

Bestseller

Мишель Креспи

ОТНІНКИ
ЗА ГОЛОВАМИ
Романи

Мишель Креспи

Охотники за головами

2000

Креспи М.

Охотники за головами / М. Креспи — 2000

Ради ТАКИХ денег участие в «компьютерной войне» кажется попросту забавной игрой... ПОНАЧАЛУ. Пока "имитация войны" не перерастает в ВОЙНУ НАСТОЯЩУЮ! Пока ИГРА не становится СМЕРТЕЛЬНОЙ, а ее участники не начинают жить по принципу "ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА"... В конце концов – Победитель получит ВСЕ!!! Какой ценой?! Да кому это важно!..

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

33

Мишель Кресси

Охотники за головами

* * *

Пихты отлого спускаются к озеру. Серое низкое небо сливается со свинцового цвета водой далеко на горизонте, там, где мягкий зеленый мех пихт колыхнется, как пуховая перина. Смертельно хочется спать: сказывается влияние предварительных тестов по методу ассоциативных идей.

Очень скоро они вернутся, и великое безмолвие дикой природы постепенно нарушится. Послышится глухое ворчание моторов на озере, потом, наверное, шуршание лопастей вертолета... И наконец, когда они появятся, зазвучат голоса, вначале отдаленные, затем все ближе и ближе, сопровождаемые звуком шагов. Семь или восемь веков назад загнанный, трепещущий олень, прерывисто дыша, прижимался к дереву, пытаясь скрыться от охотников; он испытывал страх, а его обостренный слух улавливал малейший звук. Я же ничего не чувствую, кроме угрюмого безразличия, хотя так же собаки идут по следу и лес шумит над головой... густые ветви... так мне и надо: здорово они меня обложили! Сам виноват. Не сумел убежать до начала облавы. А они с самого начала знали, чем все закончится, и вынудили нас действовать именно так. Но у нас не было другого выхода. Когда я наставил ружье на Шарриака, то не позволил ему объяснить мне, что это было недоразумение. Меня утешает мысль, что он покинул этот мир, не успев покаяться в своих многочисленных грехах. Было бы утешительно думать, что он понесет наказание, но если бы Бог существовал, все обернулось бы для нас иначе.

А пока – ничего. Ни звука. Что бы я сейчас ни предпринял, все будет тщетно. Мысль эта мучительна. Я слишком много думаю о произошедшем. Если бы они оставили мне хоть малейшую надежду на выход, смог бы я ухватиться за нее? Я должен был думать об этом раньше. Все было предельно логичным. Недостаточно глубокий перспективный анализ – вот в чем моя трагедия. Шарриак был прав.

* * *

И все-таки нужно иметь дьявольское чутье, чтобы распознать ловушку. Нас зацепили крючком, причем довольно легко. Одни клюнули на небольшие объявления в специализированных газетах, других поймали через офисы, а большинство схватили наживку, сидя дома, по телефону.

Однажды мне позвонила одна из барышень с голосом стюардессы, которые тянут слог в конце каждой фразы, давая понять, что служат в солидной парижской фирме. Она желала узнать, свободен ли я и не заинтересует ли меня одно предложение. Это все равно что спрашивать у потерявшегося в пустыне, не нужна ли ему карта и фляжка с водой, с улыбкой подумал я. В таком случае, продолжала она, не могу ли я дать ей свой адрес, она пошлет мне письмо по электронной почте. Мне очень нравятся послания по электронной почте. Есть время перечитать их, вникнуть в каждое слово, отметить нюансы и обдумать ответ. В телефонном диалоге невольно проявляются нежелательные элементы: интонация, акцент, тембр голоса, которые выдают собеседнику возраст, происхождение, социальное положение и душевное состояние. Письмо по электронной почте ограничивается смыслом, без ненужных помех, без того, что нежелательно. И вы выглядите таким, каким хотите быть или казаться. Если бы все переговоры велись по электронной почте, меня бы сейчас здесь не было и я бы не боролся с холодом и сном под мохнатой веткой пихты.

Несмотря на настойчивые просьбы моей жены, желавшей экономить на всем, мне удалось отстоять для себя Интернет. Нет, не местоположение жилища с фотографиями членов семьи и кличкой моей собаки, а всего лишь адрес. Именно по Интернету час спустя я получил послание, каждое слово которого крепко засело в моей голове. Сегодня очень хотелось забыть его, но все важные вещи автоматически отпечатываются в памяти, и невозможно форматировать нашу мозговую дискету. Кроме этой, основной, которую они мне готовят сегодня утром.

Нам поручено подобрать руководящие кадры для десятков европейских фирм. Ваша профессия может нас заинтересовать. Не хотите ли войти с нами в контакт?

«Де Вавр интернэшнл»

Далее следовала привычная троица: телефон, факс и адрес электронной почты. Как и полагается такому письму – никакой вежливой формулировки ни до, ни после. Фамилия Де Вавр явно происходила из северной Франции, Фландрии или Бельгии и отдавала металлургией, реконвертированной в сферу обслуживания коммунальными кредитными вливаниями.

Уже два месяца я был "безучастным зрителем". А впрочем, нет, чего ради я буду пользоваться их цивилизованными эвфемизмами, если они ищут меня, чтобы убить? Я не был "безучастным зрителем", с билетом в кармане спокойно ожидающим следующий рейс. Я был безработным, уволенным за профнепригодность. Биржевая котировка моей компании повышалась недостаточно быстро с точки зрения американских пенсионных фондов. Решено было сократить штат. Я не в обиде на них: кто-то должен был лопнуть – они или мы, – и я бы, разумеется, поступил точно так же.

Два месяца без зарплаты – это ерунда, когда в чулке кое-что есть. Но ни один чулок не выстоит перед перспективой многолетнего безденежья. Главная проблема бездеятельности: никогда не знаешь, когда все это кончится. Вначале обзваниваешь тех, кто, когда у тебя еще была работа, делал тебе заманчивые предложения или намеки на них. И вот что странно: ты их больше не интересуешь. Люди, не зная о твоей беде, еще берут телефонную трубку и выслушивают, затем слух распространяется, и становится невозможным прорваться через заслон секретарш. Тут-то и доходит до тебя, что ты чумной. Раньше ты пользовался спросом, за тебя боролись, стараясь заполучить. А теперь ты – тип, который нуждается в помощи. Просто потому, что ты ничей. Ну и времена: свобода – только на словах; говорят, что ты свободный человек, а смотрят как на дохлую крысу в похлебке.

Первое предложение с презрением отвергается. Это смешно. Что? Работа за половину моей последней зарплаты? Вы шутите? К сожалению, второго предложения нет. Когда телефон умолкает, начинаются поиски. Переставешь ждать следующий рейс в качестве "безучастного зрителя" в комфортабельном зале ожидания и уже подумываешь, как бы попасть на взлетную полосу, чтобы проскользнуть в багажный отсек. Плевать, на какой именно рейс: "Эр-Камерун" или "Шри-Ланка". Прочитываешь кучу объявлений и наконец соображаешь, что ты ничего не умеешь делать: не разбираешься в кондиционерах, не печешь пирожки, не можешь крыть крыши, у тебя нет никакого опыта в продаже обуви. Официальные лица – советчики, – пряча глаза объясняют, что, дескать, обстановка сейчас сложная, свободное время ничего не дает, специалист ты, конечно, классный, но возраст... и запрашиваешь многовато.

Но, ободряют они, широко улыбаясь и провожая до двери, они уверены, что все будет хорошо: у вас есть репутация, знакомства, связи... Понимаете, у многих этого нет. Безработица ваша – явление временное, вы скоро опять будете работать. Вот молодым без профессии и опыта или тем, кому за пятьдесят, им аб-со-лют-но невозможно устроиться.

Жена вас тоже подбадривает. Она идет к гадалке, и та усматривает на горизонте новые возможности и большие деньги, не забыв сразу урвать от них немного для себя. Впечатление такое, будто ты раковый больной, которому бодро заявляют, что новые метастазы пока не обнаружены.

И в одно прекрасное утро объявляется "Де Вавр интернэшнл". О нем никогда раньше не слышали. Но ведь на свете много вещей, о которых раньше не слышали, а теперь они прочно вошли в нашу жизнь. Тут ответ взвешиваешь тщательно, не дай Бог показаться львом, увидевшим газель. Договариваешься о встрече. Тебя принимает хорошо одетая дама, которая была бы еще краше, если бы сняла большие очки в черепаховой оправе.

– Итак, – говорит она, – мы являемся агентством по охоте за головами. Понимать это следует в ином смысле. Мы меняем направление *входа* и *выхода*. Вместо того чтобы просто удовлетворить заявку, мы безжалостно отбираем наилучших и обязуемся предлагать их компаниям, имеющим планы развития производства.

– Как агентство по поставке манекенов?

Она растягивает губы в улыбке – зубов я не вижу – и отвечает:

– Я бы сказала: как спортивный клуб "Мы ищем таланты" или импресарио. В нашей "копилке" собраны люди, за которых мы несем полную ответственность. Если окажется, что они плохи, значит – плохи мы. Но такого мы позволить себе не можем, и предприниматели это знают. Не они обращаются к нам, а мы сами знаем, что им нужно, и предлагаем только "сливки". Мы отделяем самородки и продаем их. Тот, кто проходит через наше сито, имеет стопроцентную пригодность, к тому же мы точно знаем, где и для чего он пригоден. Я не говорю вам: мы вас продадим. Я говорю: мы определим, есть ли в вас то, что необходимо, чтобы вас можно было продать. Вот так – естественный отбор. Вы проходите его? Через месяц вы при деле. Не проходите? Спасибо и до свидания.

– А кто платит?

– Компания. Вы – ничего. Ни цента. Компания оплачивает трансферт в обмен на полнейшую безопасность. На себя мы берем все остальное, включая пребывание у нас на время тестов. Держу пари: из пятнадцати или двадцати отобранных найдутся четыре или пять, которых мы сможем продать, и наши издержки окупятся с лихвой. Но имейте в виду: вас вывернут наизнанку, и это не всегда будет приятно. В худшем случае вы точно будете знать свою цену, притом бесплатно.

Спрашиваешь, где и как все это происходит.

– Для начала заполняется анкета. Она довольно длинная, потому что нам необходим максимум деталей. Сегодня любой умеет написать мотивированную записку и хвалебную характеристику на себя. Это не то, что нам нужно. Мы требуем абсолютной искренности. Вы исключаетесь главным образом за утаивания. Если мы заметим, что вы что-либо скрываете, даже самую малость, а мы это обязательно заметим, все закончится. Анкета обрабатывается нашими специалистами. Это первый фильтр. На этом этапе проваливается примерно половина кандидатов. Если вы остались, вам предстоит пройти медицинское обследование и собеседование. После них остается треть претендентов, которых мы направляем на недельную стажировку. По окончании стажировки мы оставляем приблизительно одного из трех. Вот и все.

Если я вас правильно понял, останется треть от трети. Десять процентов.

На лице дамы улыбка, напоминающая гримасу робота.

– Вы быстро считаете. Примерно так и есть.

– Лучшие – это десять процентов от общего числа, правильно?

– Нет, меньше. Мы не собираем все, что валяется на рынке труда, совсем нет. У нас есть свои щупальца. Когда происходит массовое или единичное увольнение, мы сразу узнаем об этом. Время от времени какая-нибудь контора увольняет хорошего работника: или она не в состоянии ему платить, или хозяин – ничтожество. На этом рынке есть тележка, куда сваливают все: и живые, и увядшие цветы. Скажем так: из досье, изучаемых нами, мы отбираем одно из десяти. Естественно, мы собрали о вас довольно полную информацию, поэтому и сделали вам это предложение.

Это обнадеживает и даже льстит. Ведь ты в десяти процентах стоящих парней и есть шанс стать одним из ста. Как тут устоять?

* * *

И я не устоял. Риск мне казался ничтожным (сегодня утром я с иронией думаю, что мне тогда и в голову не пришло, что за мной будут гоняться с гранатометами, чтобы убить), а эксперимент – интересным. А если я связался с шарлатанами, с этими помпезными и щедро оплачиваемыми «экспертами», которые пускают пыль в глаза доверчивым простофилям, то в любой момент могу смыться. Для очистки совести я спросил, есть ли у них какие-нибудь рекомендации или это новый проект, иными словами, выяснял, не любители ли они с более чем сомнительными последствиями. Дама улыбнулась в третий раз.

– Законный вопрос. Вы осторожны, не так ли? Это – очко в вашу пользу, которое я не забуду отметить. Совершенно очевидно, что наш первый контакт с вами тоже найдет отражение в вашем досье. Видите, я ничего от вас не скрываю. Пойдите-ка...

Она достала из шкафа толстую папку и протянула ее мне. В ней лежали письма с выражениями благодарности от крупнейших европейских предприятий, подписанные очень высокопоставленными людьми. Многих я знал по имени – тех, кто теперь не снимал ради меня телефонную трубку. Я посмотрел на маленькие буквы и цифры сверху слева – указатель входящей корреспонденции. Это превосходный осведомитель, который отвечает на ваши вопросы, но не все знают его секрет. Например, AD/BG 99/124 означает, что письмо было продиктовано кем-то, чьи инициалы AD, напечатано машинисткой, инициалы которой BG, а письмо имеет № 124 за 1999 год. Если инициалы подписавшегося тоже AD, значит, он продиктовал письмо сам. Если его инициалы, скажем, JH, это означает, что письмо было составлено сотрудником, а руководитель лишь подписал его, как правило, не читая, а может, даже и не видел его – факсимиле поставила секретарша. Однако здесь, кроме одного случая, все инициалы соответствовали. Стало быть Де Вавр был на равных с хозяевами страны, могущественными феодалами постиндустриального общества. Конечно, оставалась микроскопическая возможность наличия мошенничества, но его конечной цели я не видел. От меня ничего не требовали, только рассказать о себе, да и денег, которыми можно соблазниться, у меня не было.

Второе свидание мне назначили на следующей неделе. Не присаживаясь, я при даме записал дату в свой блокнот. Сделал я это специально, не стал запоминать, чтобы она не подумала, будто мне совершенно нечего делать, хотя на самом деле так оно и было. Ведь безнадежный безработный (пардон, специалист, на данном этапе являющийся "безучастным зрителем") не может иметь записную книжку и сверяться по ней, есть ли у него время рассмотреть очередное предложение работы. Я уже начал следить за собой. Собеседование при трудоустройстве как первое любовное свидание. Одеколон – в меру, никаких соблазнительных пачек купюр при оплате счета, а только золотая карта, полуправда и полуложь, вплоть до самого конца: "выпить напоследок у меня дома", а не "переспать", "внимательно изучить ваше досье", а не "воздеть руки к небу, взыв от радости". Это и называется цивилизацией. И знаете, здесь, под пихтой, прислонившись к ее стволу, с карабином на коленях, я пришел к выводу, что жалею о ней.

* * *

Весьма симпатичный молодой человек вручил мне бумаги, которые следовало заполнить. Редко встретишь такое открытое, улыбающееся, энергичное, умное и внимательное лицо. Обменялись мы лишь несколькими банальными фразами, однако этого хватило, чтобы изменилось мое душевное состояние. Идя к Де Вавру, я ощущал напряжение и настороженность, но, когда оказался один за столом, вдруг почувствовал прилив оптимизма и решимость сотруд-

ничать. Если они подбирали свой персонал по образу и подобию этого мальчика, должно быть, их метод чертовски хорош.

Как и обещали, анкета оказалась чрезмерно длинной и подробной. Она придерживалась традиционно хронологического порядка, чтобы осветить всю мою жизнь. Ни одного нескромного вопроса о впечатлениях, о нравственных критериях: факты, и только факты. Сначала я должен был рассказать о профессиональной деятельности и условиях жизни родителей, и даже бабушек и дедушек, затем дать некоторые сведения о братьях и сестрах. Полагаю, что, изучая мои родственные связи, они пытались составить косвенное представление о проблемах, с которыми я мог сталкиваться: более или менее легкое отождествление с отцом; события моего детства, которые могли наложить отпечаток на мою дальнейшую жизнь и однажды проявиться.

Затем шли вопросы о моей учебе. Где, с кем, почему, и перечисление всех, с кем учился. Эта часть анкеты, очевидно, специально касалась бывших выпускников элитных учебных заведений, которых, как известно, отыскивают по их адресам. Завербовать выпускника Национальной школы управления выгодно лишь в том случае, если он общается с коллегами и может с помощью нескольких телефонных звонков нужным людям быстро распутать трудную ситуацию и проложить кратчайшие тропинки в джунглях правительственных учреждений. Показались немного странными один или два вопроса. Спрашивалось, например, какие исторические события меня особенно поразили и почему. Я назвал высадку союзников на Луну; по-моему, такой ответ не мог меня скомпрометировать.

Затем я должен был отчитаться о своей профессиональной деятельности, указав координаты свидетелей, и вкратце описать предприятия, на которых работал, назвав их сильные и слабые стороны. Промышленный шпионаж немного мог извлечь из этих вопросов. Им особенно хотелось знать, чему я придавал значение.

Здесь я насторожился. Наваждение, навеянное любезным приемом молодого человека, рассеялось, и я начал вникать в каждый вопрос, спрашивая себя, почему он задан и чего они добиваются. Верный своему обязательству, я не скрывал правду, но давно известно, что одновременно может существовать несколько истин. Я хотел выбрать не просто правильный ответ, а наилучший, но который не выдал бы моей сущности.

Они не ограничили меня во времени, однако я догадывался, что этим моментом нельзя пренебрегать. Медлительность приводит в ужас всех нанимателей. К счастью, я соображаю быстро, и тут у меня не было проблем.

Я уже выполнил две трети работы, когда вошел тот молодой человек и предложил мне кофе. Я с улыбкой отказался: подобный жест мог быть не только проявлением радушия, но и еще одним тестом. Никому не нравится платить две сотни франков в час и смотреть, как этот кто-то целый час болтает о футболе возле кофеварки. Тут-то я и начал скатываться в паранойю. Мне казалось, что здесь не было ничего дарового, бесцельного и каждое слово, каждый жест являлись ловушками, загадками. В нормальной жизни существуют разграничения, есть фразы, ничего не значащие, а есть – судьбоносные, бывают моменты расслабленности и напряжения; есть сцена и есть кулисы. У Де Вавра все могло иметь особый смысл. Собака Павлова, не зная, имеет ли она дело с квадратиком, за который вознаграждают, или с кружочком, за который наказывают, теряется. То же самое они проделывали и со мной.

А мне чертовски была нужна эта работа. Я не мог позволить себя вычеркнуть, ответив: "белое" вместо "черное", когда мне показывали "серое".

Молодой человек удалился, а я попытался успокоиться. Де Вавр не единственный на этом свете, и если я провалюсь, то мне повезет в другом месте. В то же время я понимал, что все наниматели стремятся приобрести одно и то же, и если передо мной захлопнут эту дверь, другую мне уже никто не откроет. Конечно, так было бы проще и быстрее. Вся наша общественная структура основана на принципе: твоя жизнь зависит от одного дня, максимум от трех-четырех. В этот день группа людей, ничего о вас не знающих, за десять минут составляет пред-

ставление о вашей компетентности и характере. А у вас есть десять минут, чтобы их убедить. Де Вавр тратил больше времени. Это должно было меня успокоить. Но чем больше времени, тем глубже копают и больше находят. Я встряхнулся. Что ж, мне нечего скрывать, напротив, я хороший и докажу им это. И я вновь взялся за работу.

Следующая часть анкеты касалась моих рабочих навыков, технических принадлежностей, которыми я умею пользоваться (Интернет, табулятор, обработка текста), и качеств, которыми должна обладать моя секретарша или сотрудник. Интересовались также и моим образом жизни: сколько часов я сплю ночью, занимаюсь ли спортом, курю – за что увольняют из американских компаний. И, естественно, хобби; я никогда не мог понять, почему люди упорно сообщают о них в своих анкетах, как будто служащий, занимающийся фигурным катанием, привлекательнее того, кто увлекается баскетболом. На мой взгляд, лишь немногие увлечения могут сказать что-нибудь о человеке: гольф, к примеру, свидетельствует о принадлежности к определенной социальной группе, а филателия указывает на педантичный и не склонный к авантюрам характер. Все остальное ерунда; тот, кто обожает высокогорный треккинг, отличается выносливостью и настойчивостью, но может оказаться и неработоспособным на шесть месяцев из-за своего увлечения. Де Вавр осторожно интересовался, сколько времени в неделю я отдаю своему хобби, но, по-моему, этого было недостаточно.

Далее шли вопросы о моих запросах, о марке машины и компьютера, не заложена ли моя квартира. Приблизительно то, о чем вас спрашивают в банке. Тут у меня не было никаких проблем. Просто им хотелось знать, какая зарплата соответствовала моему семейному бюджету, не мот ли я и нет ли у меня серьезных долгов, способных толкнуть меня на опрометчивые поступки.

Несколько вопросов было о моей жене и детях: возраст, образование, физические или психические недостатки и возможное их лечение и... ничего больше. Разумеется, ни слова о моих сексуальных предпочтениях. Полагаю, анкету впоследствии обрабатывают на компьютере, а закон об информации и свободах довольно-таки суров к излишнему любопытству.

Нудная писанина заканчивалась сборной солянкой: языки, которыми я владею, страны, которые посетил, излюбленные места; шесть вопросов явно заимствованы из вопросника Марселя Пруста; вещи, которых я боюсь, манеры поведения, вызывающие во мне неприязнь; наконец, группа выборочных вопросов, касающихся повседневной жизни. Насколько четким было все до этого, настолько данная часть оказалась хаотичной, субъективной, бесцельной и вялой, похожей на набившие оскомину тесты. Я внимательно перечитал эту муть – она походила на смешные вопросники, печатающиеся в летних газетах, которые лениво читаешь, лежа на пляже. Мне не стоило трудиться, отвечая; каждый раз, когда я включался в подобную игру, по сумме набранных очков оказывался в средней категории: не раздражительный, не апатичный, не волокита, не однолюб, не эмоциональный и не флегматик. Покончил я с этим после того, как однажды, рассеянно взяв один из журналов жены, с изумлением открыл на следующей странице, что я, оказывается, не мужчина и не женщина, а нечто двуполое.

Анкета заканчивалась чистой страницей для замечаний, которые пожелал бы добавить кандидат. Капкан был грубоват, и я поостерегся трогать его. Задний ум редко ценится вербовщиками, да и бесконечные оправдания после допущенных оплошностей ценятся не более. На предприятия с вас требуют работу, а не объяснений, почему вы не смогли ее выполнить.

И конечно же, я тщательно следил за своим почерком. Даже если углубленная графология и применяется редко, то все равно некоторые ее элементы, например, падающая линия или неравномерный наклон букв, теперь слишком известны, чтобы пренебрегать ими.

В остальном все это представлялось смесью из особо отработанных объективов, анкет разведслужб и донесений частного детектива, приправленной кусочками тестов СМИ и инструкций по трудоустройству. В общем, ничего оригинального. Секрет же соуса, как и положено, таился в сбалансированности различных ингредиентов.

Я уже перечитывал написанное, чтобы запомнить, а не исправлять, когда снова вошел молодой человек. Он поздравил меня с окончанием работы; это, сказал он, позволит ему уйти пораньше на обед. И назначил мне время прохождения медосмотра – вторую половину дня.

Я перекусил в ближайшем кафе. Зеленый салат и родниковая вода. Не думаю, что будут брать кровь на анализ – меня не просили прийти натошак, – но кто знает?

* * *

Врач прочно обосновался в том же здании. Не так уж и плохо. Обычно вас направляют в какую-нибудь лабораторию, где вы выкладываете собственные денежки, или в медчасть по месту работы.

Врач – молодой человек в очках без оправы, с веснушками. Он не был ни радушен, ни холоден. Держался профессионально. Меня он продержал целый час. Пока он меня обследовал, я занимался кое-какими подсчетами. Предположим, он обследует пять пациентов в день, оставшееся время посвящая составлению отчетов. Выходит сотня в месяц. Если половина отсеивалась, на их знаменитые стажировки оставалось пятьдесят. Значит, одна стажировка в неделю и десять – пятнадцать победителей к концу срока. Дальше, судя по их организации, у них минимум восемь – десять служащих: дама в приемной, врач, симпатичный юноша, непременно один за компьютером и управляющий, не менее двух руководителей стажировкой и наверняка один или два человека где-то внутри.

Учитывая средние зарплаты и социальные выплаты, фонд заработной платы тянул на двести тысяч франков в месяц, то есть тридцать тысяч евро. Прибавьте налоги, аренду помещений, коммунальные платежи, отчисления от прибылей, какую-то прибыль, и можно удвоить эту сумму. Стажировки тоже обходятся недешево: гостиница – даже третьеразрядная – человек на пятнадцать, какой-то инвентарь, два дня оценки после пяти дней работы... Явно здесь крутилось около миллиона евро в год. И все ради того, чтобы выпустить сто пятьдесят – двести парней, из которых на деле пристраивали половину или две трети. На человека приходилось около десяти тысяч евро. Двухмесячная зарплата счастливого избранника. Все разумно. Контора, которая в любом случае платит полновесную зарплату за тринадцать месяцев в год, конечно же, готова платить и за пятнадцать в первый год, зато она уверена, что получит ценного работника, которого не надо обучать. Право, неплохое дельце.

Пока я проворачивал все это в уме, врач тщательно осматривал меня. Взвесив и измерив, он прощупал все тело и даже мышцы, о существовании которых я и не подозревал. Я дул в баллоны, крутил педали велотренажера, врач измерил мое давление, температуру, прослушал. Пришлось показать ему зубы, горло и все доступные части тела, включая анус – элегантный способ проверить мои сексуальные наклонности, как в армии.

Затем он разрешил мне одеться и предложил другой вопросник – похоже, эти люди не могли жить без анкеты в руках. Личная гигиена, режим питания, чем болел... По-видимому, здесь обращали особое внимание на состояние спины. Компании питают отвращение к болям в спине, которые наблюдаются у каждого шестого француза, особенно моего возраста. Известно, откуда они берутся, лечить их не научились; и щеголеватый высокооплачиваемый менеджер со страдальческим видом едва передвигается по коридорам, жалкий и нетрудоспособный, вместо того чтобы заниматься делом, он тратит время на бесполезные лечебные массажи. Выйдя из-за стола, врач устроил мне проверку, ударяя по почкам, стараясь уловить гримасу боли на моем лице. Я все вынес стоически. И вправду, спина у меня никогда не болела.

Удовлетворенный лекарь уселся за письменный стол.

– У вас есть какие-нибудь познания в медицине? – спросил он.

– Нет. Это не моя область.

– А в оказании первой помощи?

– Тоже нет. Слышал, что в каком-то случае надо положить пострадавшего на бок. И только.

– Очень жаль. Это может пригодиться. Взгляните-ка.

Он протянул мне перечень различных ситуаций: что делать, если ваш сотрудник рухнул на пол (вызвать "скорую"), если у вашей секретарши случился нервный припадок, если у посетителя вдруг началась неукротимая рвота (Боже, неужели такое возможно?).

Конец и вовсе походил на детскую засаду. Умею ли я обращаться с лекарствами? Знакомы ли мне вирусы (следовало перечисление)? Речь, очевидно, шла о том, чтобы под видом научных знаний выяснить, сталкивался ли я, даже косвенно, с раком, СПИДом, артрозом, болезнью Альцгеймера... Ответить "нет" означало бы склонность к утаиванию, чего они страшно боялись. А ответить "да" – признать осведомленность в медицине, которую я только что отрицал. Я решил играть в открытую.

Врач даже не взглянул на листочки, которые я ему вернул. Их, должно быть, тоже пропустят через компьютер. Он встал, затем, будто спохватившись, взял со стола и протянул мне направления.

– Ах да, здесь мы не можем сделать некоторые обследования. Не зайдете ли завтра утром натошак в лабораторию по этому адресу? Все это за наш счет, разумеется.

Уже за дверью я прочитал направление. Анализ крови. Рентген легких. Окулист, эхография брюшной полости... Все, одним словом. Они не оставляли без внимания ничего. По крайней мере я пройду полное медицинское обследование, причем бесплатно. Если ничего не обнаружится, я с полным правом смогу приклеить на лоб контрольную марку, как на ветровое стекло старой машины, чтобы исключить всякие подозрения.

* * *

Дама из приемной позвонила мне на следующей неделе, чтобы договориться о дате устного собеседования. Стало быть, предыдущие испытания я выдержал успешно. Это обнадеживало. Мы условились встретиться через три дня, в пятницу, и она предупредила, что это займет всю первую половину дня.

Я пошел туда в приподнятом настроении. Сознание того, что они пока еще не признали меня никчемным, вернуло мне присутствие духа, которое в последнее время начало меня покидать. На сегодняшний день треть моих конкурентов уже сошла с дистанции. Мне уже виделась финишная ленточка: восхищенный патрон смотрит, как я приближаюсь, и потрясает чеком на аванс, который мне так нужен. Пару недель назад это казалось неправдоподобным, и вот благодаря "Де Вавр интернэшнл" солнце засветило радостнее, улицы стали оживленными, люди приятными, и дышится легко. Плохая новость – и кажется, что все сейчас рухнет и завтра придет смерть. Хорошая – и чувствуешь себя неуязвимым, бессмертным. Находясь в бодром настроении, я толкнул тяжелую деревянную дверь, ведущую в благословенное святилище.

На этот раз они позаботились об оформлении интерьера. О нем я еще не рассказывал: обычные служебные помещения, такие заурядные, что для их описания трудно подобрать слова.

Но эта комната оказалась совершенно другой. За последнее время я посетил достаточно контор и ради развлечения составил их типологию: в одних наваливают горы папок на край стола – показать, что таких, как вы, много; в других, наоборот, столешница чиста – намек, что здесь вам ничего не светит. В некоторых офисах отгораживаются от вас баррикадой из фотографий членов семьи, чтобы подчеркнуть неиссякаемость человеческих ресурсов; а иногда на стены вешают плакаты, демонстрирующие моральный дух конторы (молодая и современная или классическая и серьезная).

Здесь я встретил обстановку тридцатых годов: деревянная картотека-вертушка, такую можно найти только у антикваров, два кожаных потертых кресла, на этажерках несколько стареньких безделушек вперемешку с разрозненными томами, немного выгоревшие шторы, на стене – небольшой морской пейзаж в рамочке с легким налетом пыли. В общем, комната, в которой не только работал, но и спокойно жил эдакий благодушный ученый, какого можно увидеть в старом черно-белом кино, или психиатр, все понимающий и по-отечески снисходительный.

На письменном столе в стиле Людовика XV – темно-зеленый бювар с потрепанными уголками, небольшой блокнот и черная авторучка. Никакого намека на компьютеры, органайзеры, портативную оргтехнику и прочие неизбежные принадлежности нового века. А за столом – женщина с треугольным лицом и большими внимательными глазами.

Она встретила меня с видимым облегчением, будто много часов ждала только меня. Слегка улыбнувшись, как старому другу, женщина указала на кресло.

– Давайте без хитростей, – сразу сказала она.

Зачем нам хитрить? Ведь мы уже сообщники, намекала она. У нее был приветливый голос с едва различимым акцентом.

– Сразу могу сказать, что на сегодняшний день у вас неплохие результаты, – продолжила дама. – Мы не заметили ничего, что могло бы нас разочаровать. Но не следует тянуть. Мне хотелось бы прояснить одну-две детали. Посмотрим...

Из ящика своего стола она достала лист бумаги, который не пыталась загородить от меня. Несколько строчек, скорее, неразборчивых слов. Она лишь мельком взглянула на них.

– Вчера мы получили заключение медиков. Так вот, все очень хорошо. До противности хорошо... мне бы такое. Однако, похоже, вы не очень-то увлекаетесь спортом...

Это не было вопросом, и ответа женщина не получила. Не смутившись, она продолжала:

– Такое редко встретишь, знаете ли. В вашем возрасте обязательно должна быть какая-нибудь болячка. Ну... холестерин, сахар, повышенное давление.

Нужно было постепенно включаться в ее игру, и я с легким вызовом спросил:

– Вы же не исключаете за это, я надеюсь?

Она сделала отметающий жест длинными тонкими пальцами с ухоженными ногтями.

– Конечно, нет. Но бывает, что в одном случае из семи или восьми мы обнаруживаем проблему. Знаете, она из тех вредных привычек, которые отравляют жизнь. Здесь как в спортивном клубе: приглашенная звезда не имеет права сидеть без дела, она должна играть. Знаете, что нас интересует больше всего?

– Нет.

– Гамма-глобулин. – Она слегка подалась вперед. – Счастливчик, кто не знает, что это такое! Это показатель чрезмерного употребления алкоголя. Печеночные колики. Это еще не цирроз, точнее, пока не цирроз. Просто знак того, что человек выпивает больше, чем надо. У нас такое недопустимо. Однажды мы выявили СПИД. А человек о нем и не подозревал.

– И вы имеете право исключать за это из конкурса? Общества гомосексуалистов не набросились на вас?

Она пожала плечами:

– Нет, мы никого не нанимаем на работу. На этом этапе мы только определяемся. Нет никакого контракта, ничего не подписывается, ничего не обещается. Вы разве подписывали что-нибудь?

До меня вдруг дошло, что женщина права: я ничего не подписывал, не было никаких обещаний ни с их, ни с моей стороны. Юридически это была обычная проверка, бесплатная и добровольная.

– Вы даете заключение на руки?

– Медицинского обследования? Конечно. Ведь речь идет о вашем организме. Вы имеете право знать. Ваше медицинское заключение ждет вас в приемной.

– А результаты тестов?

– Ну нет, это наша методика. Она запатентована. Если бы вам удалось достать их, мы могли бы возбудить против вас дело за промышленный шпионаж, или как это там называется у адвокатов. Могу я задать вам несколько вопросов?

Убедившись, что она не желает мне зла и другим пришлось труднее, чем мне, я достаточно расслабился, чтобы приступить к сути дела.

Я полагал, что должен буду дать дополнительные сведения о семье или уточнить причины, по которым меня уволили, но женщина ошарашила меня вопросом:

– Вы боитесь самолетов?

На секунду я растерялся.

– Э-э-э... не сказал бы. Но немного дух захватывает при приземлении. Это серьезно?

Зазвучал ее утробный смех, странно глубокий для такой хрупкой женщины.

– Ах, что вы, вовсе нет, речь идет об одном споре. Один из наших аналитиков всегда делает из результатов тестов выводы на манер Шерлока Холмса, понимаете? Он долго жил в Индии и помешан на дедукции. Мы подтруниваем над ним за это. Он уверен, что вы должны бояться летать самолетом. А я – нет. Вот на столе бутылка бордо. Ставка. Захватывает дух при приземлении... Ясно, что он проиграл, правда? Такое чувство бывает у всех. И это не лишено оснований: именно при посадке происходит половина всех катастроф. Но садитесь-то вы в самолет без колебаний, не так ли?

– Да, конечно.

На ее лице появилось выражение кошачьего удовольствия.

– Ну вот, он проиграл. Сколько раз вы летали в этом году?

– Мало. Но в прошлом году раз шесть-семь. Она повторила, словно маленькая девочка:

– Он проиграл, проиграл, как я рада... Ладно, шутки в? сторону. Вы ведь бросили курить, не так ли? Когда?

– Шесть лет назад.

– А точнее?

– Я уже не помню. В августе, думаю. Во время отпуска.

– Если вы не можете назвать точную дату, значит, вы излечились. Любой бывший курильщик скажет вам: я бросил 24 ноября 1982 года. Он позабыл даты своей женитьбы и рождения детей, но этот день запомнил навсегда. А много вы курили?

– Пачку в день.

– А по какому методу вы бросали? Принимали пилюли?

– Нет, просто бросил, и все.

– Bravo. Герой. Вы понимаете, что вы герой и это редчайший случай?

Я шел маленькими шажками, остерегаясь ловушек. Послушать нас, так будто два приятеля перебрасываются словами обо всем и ни о чем, но это было собеседование с работодателем. Передо мной сидела не какая-нибудь вертихвостка, а опасный хищник, пытавшийся меня усыпить прежде, чем напасть.

– У меня нет чувства, будто я редчайший, – осторожно ответил я.

– А что могло бы его вам дать?

– Не знаю. Какой-нибудь подвиг, который другому не под силу.

– Какой, например?

– Преуспеть в чем-либо, к чему у меня нет способностей.

– И вам никогда не давали такого шанса?

Я улыбнулся. Вот оно, начинается.

– Давали, конечно. Я исправил положение одной тонущей конторы, за которую никто и гроша ломаного не давал. В вашем досье это записано.

– И сколько же служащих вы спасли в тот день?

Ловушка.

– Мне не нравится выражение "спасать служащих". Я же не вытаскивал из воды тонущих людей, а просто стабилизировал деловую активность с тем, чтобы она продолжала быть успешной и рентабельной. Потом сразу появляются рабочие места, но если вы будете только спасать рабочие места, вы потопите контору.

Я остался доволен своим уравновешенным ответом: гуманист, но прежде всего экономист. В глазах моей собеседницы не отразилось ничего.

– Интересно, – произнесла она. – Значит, вы не испытываете неприязни к поступкам "очертя голову".

– По обстоятельствам. Если ради того, чтобы заработать на процент больше сразу, ставя под угрозу будущие выгоды, это мне кажется неразумным. Но если нужно очистить предприятие, необдуманные расходы которого пагубны для выживания, тогда другое дело.

– Вы заслуживаете награды. Вы ее и получили, не так ли?

Она достала свой скальпель и начала резать по живому, направленно и безжалостно.

– В каком-то смысле да.

– И вы не в обиде на них?

– Я сержусь только на себя за то, что не предусмотрел это. Всегда хочется думать, что ты незаменим. И знаете почему? Потому что ты нужен самому себе.

Она откинулась в кресле, подняв глаза к потолку.

– Прекрасно. Я об этом никогда не думала. Вы мне позволите воспользоваться вашей мыслью?

– Пожалуйста: это не защищено контрактом.

Она мило улыбнулась, опять по-дружески. Похоже, так же поступают и тореадоры: после нескольких выпадов позволяют животному немного отдышаться.

Лишь на один миг. Она вновь заняла центр арены.

– А из конторы, которую вы поставили на ноги, вас тоже уволили в знак благодарности?

– Нет. Я сделал для них доброе дело и обошелся бы им дорого, слишком дорого. Это как спортивный клуб, не так ли?

Женщина уклонилась от угрожающего ей рога и снова улыбнулась:

– Хорошо. Вы быстро соображаете. Расскажите о вашем последнем увольнении. Какова была ваша реакция?

– А что я, по-вашему, здесь делаю?

– Незавидное, я думаю, положение?

– Вы в нем не побывали?

– Еще нет.

Здесь можно было бы услышать звяканье стали скрежетивающих шпаг.

– Конечно, все это неприятно. Все зависит от твоего запаса прочности. "Если ты видишь, как рушится дело всей твоей жизни, и можешь без лишних слов начать строить его заново, значит, ты настоящий мужчина, сын мой". Это слова Киплинга. Они висели на стене моей комнаты, когда я был ребенком. На пергаменте. В рамочке.

Она подняла руки, словно сдаваясь.

– Ах, викторианская Англия, – вздохнула она. – Мужчины, настоящие мужчины. И как они умудрились потерять Индию?

– У них не было шансов. Их несколько тысяч, а тех – пятьсот миллионов. Никогда не следует вступать в схватку, в которой проигрыш неизбежен.

– Макиавелли, – предположила она.

- Нет, скорее какой-то китаец, не помню кто. Но любой бы мог это сказать.
- Значит, вы предпочитаете драться, только чувствуя себя сильнее?
- Не совсем так. Но если у меня есть серьезный шанс оказаться в конце концов сильнее. Положив локти на стол, женщина смотрела мне в глаза.
- Помогите мне. В вашей броне должно быть уязвимое место. Где оно?
- Его нет.

Она выпрямилась.

- Возможно, вы правы. А по поводу стажировки вам позвонят.

Мне с трудом удалось скрыть радость, тем не менее я оставался начеку. Пока не выйду за дверь, я все еще не в безопасности. Многие гибнут от последней смертельной стрелы, если расслабляются раньше времени.

Дама сверлила меня взглядом.

- Вы поняли, что я вам сказала?
- Думаю, да. Это означает, что я не провалился на экзамене.
- Выиграли матч. Матч против меня.
- Именно это я и имел в виду.
- Я поняла. Расскажу вам одну историю. Однажды во время отпуска я встретила молодого человека. Было это на юге. Парень так себе, ничего особенного. Стояла жара, на нем была рубашка с короткими рукавами. И вдруг я увидела шрам на его руке. Я спросила, откуда он. Парень ответил, что он "брильщик". Вы знаете, что это такое?

- Нет.

– На юге устраивают состязания с быками, но их не убивают. Между рогами прикрепляются шнурки, и задача – сорвать их чем-то вроде коротких крючков. Иногда бык поддевает рогами одного из таких "брильщиков".

- Не очень-то приятно.

– Не очень. Бывают и убитые. Бык достал этого парня, оставив ему страшный шрам на руке. Я спросила парня, бросил ли он это занятие после случившегося. Он ответил: нет, и не собираюсь, я вернулся и продолжаю выступать. Я сразу же его завербовала. Если у него хватило гордости вернуться и вновь сразиться с животным, которое уложило его на больничную койку, значит, из него получится кое-что стоящее.

- И что дальше?

– Ничего. Именно так с вами поступят на стажировке. У вас будут шрамы, и мы будем наблюдать за вашей реакцией. Я вам это говорю, поскольку вы уже в курсе. Можно было бы задать вам еще вопросов пятьдесят, но мы просто потеряли бы время. Вы слишком хорошо подготовлены. Но там вас ждет другая жизнь. С настоящими пулями.

- Можно подумать, вам хочется увидеть меня инвалидом.

– Ничего подобного. Мне просто хочется узнать, что у вас под доспехами. Но не примите это за приглашение поужинать. Может быть, там совсем ничего нет.

Прозвучало не очень любезно, но это была последняя стрела, и я вышел с высоко поднятой головой.

* * *

Когда я вернулся домой, жена Анна спросила, как все прошло.

- Думаю, хорошо, – ответил я.

Эту фразу она чаще всего слышала за последние два месяца или, может быть, с начала нашей совместной жизни. Я никогда ни от кого не ждал помощи, и лучшим способом отклонить любую попытку навязать ее остается ответ "думаю, хорошо" на все вопросы, от кого бы они ни исходили. Да, все тот же Киплинг. Американский социолог Райсман написал книгу, в

которой объясняет, что мы пришли из общества людей, не нуждающихся ни в чем для самостановления, к обществу людей, полностью зависящих от других. Я-то уж точно отношусь к первой категории.

Знаю, что Анна страдает от этого, пожалуй, даже досадует. Думает, что я не обращаюсь к ней с просьбой о поддержке потому, что она не много для меня значит. Это не так. Именно потому, что я ее люблю и боюсь потерять, я и не хочу показаться ей слабым. Система воспитания, существовавшая в шестидесятые годы, определила наше формирование: ты сильный, выигрываешь – и ты вознагражден; ты слабый, проигрываешь – и тебя наказывают. Анна вышла за меня замуж не потому, что я плакался ей в жилетку, а преуспевал и олицетворял в ее глазах образ сильного мужчины. Я хочу его сохранить. Их сохранить: образ и Анну. Я знал многих, кто, потеряв работу, следом терял и жену. У человека менялся характер, и он не мог больше дать того, что хотелось жене. Есть некое обоюдное психологическое удовлетворение в переходе от роли жены к роли матери-утешительницы, но от него быстро устаешь, ведь нельзя долгое время перестраивать весь фундамент, на котором построено супружество. "Да не оставит тебя сила" – эта фраза остается лучшей из лучшего фильма года на заре третьего тысячелетия. Недалеко же мы ушли от человекообразных обезьян.

То же самое и в делах. Выигрывает не обязательно самый умный, но самый грубый, тот, кто желает чего-то сильнее других.

Анна говорит, что готова все разделить со мной, – она дала обещание быть с мужем в горе и в радости. И если во мне останется потаенный уголок, она не сможет любить меня всего целиком. Я уверен, что Анна так думает, и вполне искренне. Но я также уверен и в том, что она ошибается. Если меня исключат из конкурса, она не перестанет меня любить, но будет любить по-другому. Она будет любить другого меня. Это слишком большой риск.

И все-таки Анну не в чем упрекнуть. Когда я заявил ей о потере работы, ей и в голову не пришло, не в пример многим ее подругам в подобной ситуации, что у нас больше не будет доходов и мы должны обходиться обычным прожиточным минимумом. В первую очередь она подумала не о себе. Она долго убеждала меня, что я не виноват, – впрочем, это было напрасно, так как я не чувствовал себя виноватым, – и оправдывала меня тоже напрасно. Довольно сухо я попросил Анну прекратить оказание психологической скорой помощи, и впредь мы к этому не возвращались. В течение двух месяцев она иногда, между прочим, спрашивает, как идут дела, и я неизменно отвечаю, что кое-что наклеивается. Я отлично вижу, как она переживает. За меня. Через несколько недель, когда придут первые неоплаченные счета, Анна начнет переживать за себя и наших детей. Тогда-то и начнется самое серьезное: она станет думать о детях, которым грозит опасность – из-за меня.

Однако нашим двум девочкам почти ничего не грозит. Старшая блестяще оканчивает коммерческую школу, поступив туда с отличным аттестатом зрелости. К концу учебного года она получит право на свободное распределение, и на нее свалится куча предложений. Вот с младшей – проблемы. Она пробует изучать историю искусства на филологическом факультете, что мне кажется не слишком перспективным. Вижу я с ней лишь раз в неделю, но она упрекает меня за то, что я ее подавляю. Возможно, так оно и есть, тут невольная вина матери, сестры и моя, и ей следует от нас освободиться. Полагаю, произойдет это не скоро. Можно было подумать, что моя безработица сблизит нас с дочерью: ведь я уже не был преуспевающим, как ее старшая сестра, которой все удастся, а сравнялся с ней самой, у которой ничего не получается. Не тут-то было. У нее хватило деликатности смягчить свою агрессивность, но хорошо видно, что она сдерживает себя. От чего? Чтобы добить меня? Отомстить за себя? Плясать на моем трупе? Мое поражение – это ее триумф, и в то же время она злится на меня за то, что я ускользаю от ее ярости. Результат: она почти не разговаривает со мной. В последнее время воскресные обеды проходят в тягостной атмосфере.

Тем более что Анна продолжает работать. В свое время она мудро поступила, устроившись в управленческом аппарате, где зарплата скромная, но стабильная. Анна руководит отделом в ректорате – какой-то технической группой, на 95 % состоящей из мужчин, как и все службы такого рода. Ее она держит в ежовых рукавицах, по-другому нельзя. Дома же Анна может вновь почувствовать себя женщиной. Потому-то я и не хочу смены ролей.

Психолог из "Де Вавр интернэшнл" не пыталась углубиться в мою семейную ситуацию. Сначала я не понял почему. Влияние семьи настолько сильно во Франции, что даже все грабители в один голос заявляют: они грабят только во имя своих детей. Впрочем, в этом есть доля правды: отец, мечтающий сохранить любовь дочери, даже если для этого нужен конный завод, готов пустить в ход нож, чтобы приобрести этот завод. Нет ничего унижительнее, чем отказать в удовольствии ребенку не из педагогических соображений, а из-за нехватки денег.

Но в "Де Вавр интернэшнл" об этом прекрасно осведомлены, знают они и то, что у них нет возможности перепроверить рассказанное мной. Когда ваш лучший друг вдруг разводится, неожиданно признавшись, что его жизнь уже давно превратилась в ад, вы чувствуете, что с луны свалились: вы ведь абсолютно ничего не замечали. Как можно отобразить это тремя крестиками в клеточках вопросника? Впрочем, им плевать на то, как я живу. Их интересовал только один пункт: отразится ли все это на моей трудоспособности, и если да, то каким образом? Чтобы выявить это, им не нужно изучать характеры членов моей семьи – только мой.

А жил я совершенно банально: супружеская жизнь безоблачна, двое детей достаточно уравновешены (одна чуть меньше другой), ни наркотиков, ни тюрьмы, ни сомнительных связей, никаких отягчающих обстоятельств, разумное расходование семейного бюджета. Ни одного изъяна в доспехах вопреки опасениям дамы-психолога. Чист. И мне хотелось, чтобы все так и продолжалось, потому что в таком существовании, без сомнения, я находил своего рода счастье или по крайней мере отсутствие несчастья, которого желают стоики.

Одно из главных неудобств безработицы – слишком много времени для размышлений. Оглядываясь на свое прошлое, всматриваешься в него, копаешься в нем. Это ошибка. Поневолле приходишь к мысли, что сам виноват во всем, и начинаешь все рушить только из-за того, что сложившееся положение временно плохое, а следовательно, когда-то ты совершил оплошность. Оплошностей у меня не было, точнее, была одна: я недооценил глупость моего последнего шефа. И разумеется, хочется все начать с нуля: поусерднее учиться в школе, выбрать лицей получше, окончить Национальную школу управления и стать фининспектором: на этой должности никогда не расплачиваются за ошибки, даже чудовищные. Но если бы существовала возможность начать все заново, я бы поступил так, как прежде: женился на Анне, работал в тех же местах, кроме последнего, купил бы ту же самую квартиру. Может быть, я давал бы побольше свободы младшей дочери. А вообще-то я существовал в полном согласии с самим собой.

Вот почему я и ответил Анне:

– Думаю, хорошо...

Я и сам верил в это.

* * *

Стажировка начиналась в одно из воскресений. С самого начала происходило нечто для меня невероятное: большое число руководящих работников прервали уик-энд ради каких-то семинаров. Я-то думал, они проводят их, уединившись в какой-нибудь загородной гостинице с миленькой секретаршей, и мне жаль было их жен, попавшихся на довольно грубый крючок. Отнюдь. Организаторы семинаров сетовали, что тратится много времени на переезд и прием, размещение в номерах, душ после дороги, формальности, занимавшие все утро понедельника, из-за чего терялось минимум полдня. Потому-то теперь и начинают в воскресенье вечером,

после ужина. Полагаю, через двадцать лет начинать будут в субботу утром, на рассвете. А в XXI веке, должно быть, найдут способ обходиться без сна – этого безудержного пожирателя времени.

В начале первого мы собрались на Лионском вокзале. Молоденькая мулатка в голубой униформе, очень похожей на костюм стюардессы, вручила нам билеты на скоростной поезд. Нас было человек пятнадцать, но в поезде мы лишь перебросились несколькими словами: мы еще не были группой.

Затем мы погрузились в автобус, который повез нас в направлении Альп. Проехав Гренобль, мы свернули с главной трассы в лес, на дорогу местного значения. Чем дальше мы продвигались, тем девственнее становилась природа. Обширные пастбища сменялись грозными пропастями, кроны деревьев заслоняли солнце. Мы двигались мимо водопадов, объезжали осыпи, нас окружали все более высокие горы, снеговые шапки увенчивали их вершины, воздух становился свежее.

Неожиданно, выехав из леса, мы очутились на берегу озера. Оно будто застыло, накрывшись цинковым покрывалом, скорее белым, чем голубым. Автобус остановился, и нас попросили выйти. Женщина, сидевшая рядом со мной, поеживаясь от холода, открыла большой чемодан и достала зеленую кофту. Потом ей пришлось догонять шофера, который уже перегружал наш багаж на тележку.

У берега из воды торчали четыре сваи, поддерживавшие помост из рассохшихся досок. К одной свае был привязан небольшой катер. Из него выпрыгнул мужчина, густо заросший черными волосами. В один прыжок он очутился на причале и вразвалку направился к нам. Какой-то молодой человек, стоявший неподалеку от меня, процедил сквозь зубы:

– Поезд, автобус, лодка... Похоже, на той стороне нас ждут собачьи упряжки или самолетик...

Другой, небольшого роста толстячок, обратился к матросу:

– Дальше дороги нет? Поплывем через озеро?

– Не понимаю, – произнес матрос.

Толстяк повернулся к нам и спросил:

– Кто-нибудь говорит по-итальянски? Думаю, это по-итальянски. Мы уже в Италии?

Пересекли границу?

Еще одна женщина отделилась от нашей оторопевшей группы. Женщин среди нас было мало, всего четыре. "Красивее остальных", – мельком отметил я.

– Я.

Она поговорила с матросом на непонятном языке и вернулась к нам.

– Так вот. Нас перевезут на остров посреди озера. Гостиница находится там. На катере все не уместится, там только десять мест, поэтому будет два заезда. Нужно разделиться. Кто первый?

Наиболее смелые сделали шаг вперед. И я в их числе. Из любопытства: это не должно быть очередным тестом.

Переезд оказался таким же спокойным, как прогулка по венецианским каналам. В катере мы стояли, держась за релинги и вдыхая покалывающий ветерок, напоенный ароматом пихт.

Не выпуская руль, матрос указал на зеленый горб, возвышавшийся над водой:

– Мы туда едем.

Толстячок допытывался у красивой женщины:

– Но это Франция или Италия? Спросите у него.

– Нет, нет, это Франция, а вот он – итальянец.

По мере приближения к острову мы различали черепицу на крыше какого-то строения, затем стены, утопавшие в листве деревьев. И на этой стороне озера была точно такая же грубо сколоченная и тухлявая пристань.

Матрос ловко бросил веревку, закрепил ее на свае и выпрыгнул на помост.

– Прибыли. Все выходят! – весело крикнул он, не заглушая мотор.

Он помог молодой женщине перешагнуть через ограждение, почти перенес ее и остался на месте, готовый прийти на помощь любой другой даме в узкой юбке.

Убедившись, что все мы находимся в безопасности, на твердой земле, матрос занялся багажом, кидая чемоданы на помост с аккуратностью, свойственной носильщикам в аэропортах. Затем он запустил мотор и прыгнул в катер.

– Эй, – крикнул ему вдогонку толстяк, – а мой чемодан, его здесь нет, куда он делся?

Высокий молодой человек засмеялся:

– Как в авиакомпаниях: обед в Париже, ужин в Нью-Йорке, а багаж в Гонконге!

– Совсем не смешно, – буркнул толстяк.

Вмешалась женщина:

– Багаж тоже будет переправлен за два раза. Чемоданы погрузили как придется. Думаю, вы получите ваш чемодан через десять минут.

– Вы уже были здесь? – спросил молодой человек.

– Нет. Просто я наблюдаю.

Я тоже наблюдал. В "Де Вавр интернэшнл" мне сказали, что две трети из нас отсеются к концу стажировки. Толстяк наверняка вылетит первым. Но женщина сразу показалась опасным соперником. Благодаря нескольким итальянским словам она уже начала захватывать лидерство. Еще немного, и, если ей позволить, она станет отдавать приказы. Моего чемодана тоже не было, но я ни на секунду не забывал, зачем я здесь.

Разворачиваясь, матрос указал рукой на аллею, поднимающуюся к зданиям:

– Идите туда.

Итальянская речь, возможно, была началом испытания. На их месте я бы уж лучше выбрал английский или китайский. Или... на каком языке говорят в Гонконге? На английском, вероятно...

– Нужно идти по этой дороге, – объяснила женщина.

Она еще рта не открыла, а я уже был впереди нее, возглавив шествие. Толстяк не пошел за нами, а, прислонившись к свае и скрестив руки, с решительным видом остался ждать свой чемодан.

* * *

Вверху аллея заканчивалась четырьмя ступеньками, ведущими в гостиницу, построенную на склоне холма. У входа нас ожидал представитель оргкомитета в лице молоденькой девушки в джинсах – женский вариант молодого человека, занимающегося тем же самым в «Де Вавр интернэшнл»: открытое, смеющееся, подвижное лицо, мгновенно вызывающее симпатию. Это вселяло надежду: уж если им удавалось завербовывать встречающих, способных одной улыбкой обезоружить самых мрачных, стало быть, они действительно в состоянии распознать компетентность, полезную на любом уровне. Бывает, что найти хорошего стюарда труднее, нежели толкового финансового аналитика.

Девушка сообщила, что ее зовут Натали. Казалось, она была искренне рада нас видеть и встретила так, будто лично пригласила каждого. Она поинтересовалась условиями поездки, посетовала на пасмурную погоду, затем, сверяясь по большой красной тетради, распределила нас по комнатам. Каждую фамилию Натали повторила несколько раз, глядя в глаза выкликаемого. Старый способ мнемотехники. Любой торговый агент или политик знает, насколько непростительно забыть фамилию. Ведь это значит, что собеседника больше нет, он не выделяется из массы, его индивидуальность уничтожена, его эго уничтожено; большинство людей этого не переносят. Натали была хорошо обучена – через пять минут она знала нас всех.

– Багаж будут складывать в вестибюле по мере прибытия, – сказала она нам. – У нас проблема: заболел коридорный, и вам придется самим заносить свои вещи в комнаты.

Какой-то бывший номенклатурный работник в золотых очках и темном галстуке недовольно нахмурился и спросил:

– Вот как? Есть и другие проблемы?

Натали одарила его сияющей улыбкой.

– Конечно. Отопление испортилось, кухарка только что родила, нам не завезли продовольствие, и у нас есть лишь видеокассета "Форт Байярд"... Я шучу, все остальное у нас в порядке.

Вопрошавшему осталось только улыбнуться в ответ.

– Если номер комнаты начинается с двойки – это на втором этаже, с тройки – на третьем, – продолжала Натали. – Так что не перепутаете. Но нет лифта и кондиционеров. Зато там, сзади, есть бассейн. Если у кого-нибудь имеется гарпун и удастся разбить лед, то есть шанс выловить тюленя. Только без меня, пожалуйста. Пока что нам везет, снег еще не выпал.

– А озеро зимой замерзает? – спросил номенклатурный работник.

– Нет. Оно слишком большое и глубокое, а морозы бывают редко. Кататься на коньках придется в другом месте.

– Ах, вот оно что – это коньки, а я-то думал, что за тяжесть в вашем чемодане! – повернулся плотный, коренастый мужчина к красивой женщине, говорившей по-итальянски.

– Нет. Это моя энциклопедия в пятнадцати томах, я перечитываю ее перед тестами, – метко парировала она.

С помощью нескольких реплик Натали удалось разрядить обстановку, завязав шуточный разговор, способствующий знакомству в нашей специфической среде. Она грациозно повернулась.

– А теперь вы можете пройти в свои комнаты и принять душ. Это не приказ, вовсе нет. Если вы желаете пропустить рюмочку в баре, пожалуйста, он открыт. А... вот и остальные...

Наши товарищи по несчастью, тяжело дыша и отдуваясь, ввалились в холл: подъем был крутоват, а им хотелось скорее присоединиться к нам, и они поднимались слишком быстро. Натали снова раскрыла свою тетрадь.

Мне досталась комната № 211, предпоследняя, в конце коридора. Обстановка – в традиционном стиле загородных гостиниц, не в пример отелям "Хилтон" или разноязыким караван-сараям. Широкая деревянная кровать, покрытая толстым пуховым одеялом, простенький ночной столик с плохо выдвигающимся ящиком, две небольшие красные занавески на узком окне, а вместо встроенных шкафов – огромный платяной шкаф, занимающий большую часть комнаты и наполовину преграждающий вход в ванную; был и телефон. Я проверил матрац, подпрыгнув на нем два-три раза (жестковат, но довольно удобный), потом снял трубку черного телефонного аппарата, висевшего на стене в изголовье кровати, – единственная уступка модерну. Я раз десять набрал номер. Никто не отвечал. Возможно, Натали была одна в приемной, занимаясь новыми постояльцами. Или, может быть, нас хотели изолировать от цивилизованного мира.

Послушавшись совета Натали, я принял душ в крошечной кабинке за шкафом и начал переодеваться. Во что мне одеться? Меня когда-то учили, что одежда – важный элемент общения, ее замечают в первую очередь. По одежке встречают... К нынешней обстановке не подходил обычный наряд – серый костюм и темный галстук. Я выбрал бежевую куртку и синие брюки – этакий ненавязчивый шик – нечто среднее между прогулочным и выходным костюмом. Немного крема после бритья, и я был готов спуститься на первый этаж.

Натали, разместив нас, теперь священнодействовала за стойкой бара. Мои компаньоны-конкуренты прибывали по одному, нерешительно топтались у входа, затем присоединялись к пришедшим ранее. Довольно просторный зал бара заполнился быстро. Чувствуя себя

не в своей тарелке, одни слонялись по залу с бревенчатым потолком, другие подолгу стояли у стеклянной двери, притворяясь, будто рассматривают пейзаж, или с преувеличенным вниманием разглядывали лубочные картинки с изображениями гор, развешанные по стенам. Впечатление – словно ты на вернисаже, где никто ни с кем не знаком и где нет ни одной картины, заслуживающей внимания. Похоже, остальные чувствовали то же самое: все заказывали по стакану оранжада и потом искали уголок поукромнее, откуда можно наблюдать за другими, оставаясь незаметными.

В конце концов сгущавшуюся атмосферу разрядил весельчак, один из тех, кто неизбежно присутствует в любой туристической группе: общительный южанин громко комментировал все, что видел. Он сообщил, что зовут его Моран, погода холодновата и по профессии он упаковщик. С солдатским юмором, вульгарность которого плохо скрывалась живостью, он каламбурил по поводу рода своей деятельности, говоря, что готов упаковать и Натали, если, конечно, она находит его привлекательным. Натали молча улыбнулась. Четыре или пять человек окружили его, спеша вступить в шутливую перепалку. Красивая женщина, говорящая по-итальянски, обернулась ко мне, заметив:

– Ему платит профсоюз массовиков-затейников?

Остроумного ответа я не придумал. За моей спиной два пожилых кандидата изучали изображение какого-то животного, стоящего на скалистом выступе. Один утверждал, что это серна, другой – пиренейская серна, но их ограниченные познания в зоологии не позволили прийти к согласию. Толстяк, погрузившись в одно из трех находящихся в зале кресел, с недовольной гримасой перелистывал туристический проспект.

А в этот момент Натали хлопнула в ладоши, чтобы привлечь наше внимание.

– Теперь все к столу! После ужина, в половине девятого, вы должны собраться в рабочем кабинете на втором этаже, справа от лестницы, для получения инструкций. Приятного всем аппетита.

Стоящий рядом со мной высокий худой мужчина с чрезмерно выступающим кадыком вздохнул:

– Держу пари, что нам подадут фондю¹. В Альпах все начинается с фондю, чтобы люди размякли.

Он проиграл. Подали раklet².

Столовая была в том же стиле, что и все остальное: деревянные панели на стенах, массивные балки, поддерживающие потолок; большой камин, пока пустой, занимал часть стены, увешанной старинными деревенскими ручными орудиями труда неизвестного назначения. Стояло четыре больших круглых стола, покрытых тяжелыми красными скатертями. Вокруг трех столов стояло по шесть стульев. Четвертый пустовал. Мы расселись как придется, южанин Моран – посреди небольшой группы, которая его окружала еще в баре.

Моим соседом оказался господин с большим кадыком просто потому, что в дверь мы вошли одновременно. Усевшись, он протянул мне руку и представился:

– Хирш. Вильям Хирш. Я занимаюсь информатикой.

У него был очень низкий голос. Я не большой знаток анатомии, но мне кажется, что размер кадыка не имеет к этому никакого отношения. Я учтиво представился:

– Карсевиль. Жером Карсевиль. Я занимаюсь организационными вопросами.

– В таком случае вам без меня не обойтись, – заключил Хирш.

Сидевший напротив нас тщательно одетый худошавый мужчина в темном костюме и галстуке насмешливо поглядел на него сквозь очки без оправы.

– Да, – произнес он, – вообще-то надо бы начать с исправления ошибок информатики.

¹ Фондю (фр.) – блюдо, приготовленное из плавленого сыра с белым вином.

² Раклет (фр.) – блюдо из плавленого сыра.

От такого выпада Хирш едва не подпрыгнул.

– В информатике нет ошибок. Наоборот, все очень логично. Дело в том, что люди не всегда логичны. Отсюда – все заблуждения.

– Да, да, – хихикнул темный костюм, – они все на этом настаивают. "Windows" – стабильная и рациональная система. А когда случаются сбои – раз десять на дню, – то виноват пользователь.

Хирш, смутившись, слегка покраснел. Темный костюм повернулся к своему соседу – высокому здоровяку с красным лицом.

– Я не хотел ставить в затруднительное положение нашего друга. Программисты ведут себя как некоторые мужья с женами: каждый ругает свою на чем свет стоит, но не выносит, чтобы ее критиковал кто-то другой. Я не прав?

Здоровяк неуверенно согласился, и Хирш немного оттаял.

– Действительно, иногда бывают проблемы, – признал он. – Но даже нам не все они понятны. Однако большинство людей заблуждаются на их счет. Они жалуются не на то, что не работает, а на то, что работает, а они не знают, как заставить это работать. В девяти случаях из десяти они просто не владеют программой.

Темный костюм пошел на мировую:

– Совершенно с вами согласен. Но не говорите мне, что никогда не возникает проблем с жестким диском.

– Это не представляет трудностей, – заметил Хирш. – Если что-то приходит в негодность, его заменяют, вот и все. Единственная настоящая трудность с жестким диском – отсутствие стандарта. Из-за несовместимости элементов и возникают конфликты. Попробуйте-ка поставить деталь от "пежо" на "рено" – получится то же самое. Нет, настоящие неприятности – это программы. Именно там-то и могут быть "жучки".

– Откуда они возникают, на ваш взгляд специалиста? – поинтересовался наш пятый сотрапезник, маленький мужчина с недоверчивым взглядом.

Хирш, польщенный, что его признали специалистом, пустился в пространные рассуждения об излишнем количестве lignes, содержащихся в одной программе. В это время молчаливый официант уставлял сервировочный столик массой съестного: сыр, нарезанный ломтиками, ветчина, бекон, панчетта, корнишоны, мелкий лук. Из-за соседнего стола донесся взрыв смеха: южанин навалил всего вперемешку на свою тарелку и собирался все это запихнуть в микроволновку.

– Он думает, что находится в "Макдоналдсе"! – крикнул кто-то.

Смех не прекращался. Теперь Моран пытался вытащить застрявшую тарелку, содержимое которой начало подгорать. Я перехватил взгляд мужчины в темном костюме. Должно быть, он подумал о том же, что и я: Моран выдержал предварительные тесты, он не был таким уж дураком, каким хотел казаться, хитрец скрывал свои намерения за болтливостью. Здесь присутствовали две категории людей: одни по-настоящему хотели выиграть и поняли, что битва уже началась, другие приехали сюда после переекзаменовки, чтобы немного поразвлечься до того, как их окончательно отчислят. Я ни на мгновение не забывал о цели своего присутствия здесь: две трети из нас не выдержат и недели. А мне просто необходимо было выжить.

Жуя сыр, я исподтишка изучал присутствующих. Темный костюм был опасен, женщина, говорящая по-итальянски, тоже. Хирш ничем мне не угрожал: может, он и был лучшим в своей категории, но не в моей – наши интересы не сталкивались. Толстячок был чересчур капризным, чтобы устоять, здоровяк – неразговорчивым, его, наверное, легко запугать. Все сидящие за столом Морана не внушали мне опасения: им хотелось посмеяться и повеселиться, и в момент "М" они не смогут сосредоточиться. Морана следует оценивать особо. Итак: три подходящих, семь негодных и один сомнительный. Оставались еще пятеро: маленький скрытный мужчина, у которого не было возможности победить, но от него можно всего ожидать, и четверо дру-

гих, сидевших за третьим, неукомплектованным столом: дама в джемпере, еще одна женщина, немного бесцветная, и двое мужчин, молча поглощавших еду, – бородатый и лысый. Это был стол обреченных на поражение, никто из четверых пока не произнес ни слова. В лучшем случае из них выкарабкается один.

Я взглянул на темный костюм. Он тоже украдкой посматривал на меня, и снова наши взгляды встретились. Его глаза не выражали ничего – глаза убийцы, внимательные и пустые.

– А вы чем занимались? – спросил я его.

Секунду он колебался, а потом ответил:

– У меня юридическое образование.

Да, и у меня когда-то была соска, а потом я ходил в школу. Не такого ответа я ожидал. Я открыл рот, чтобы продолжить допрос, но Хирш меня опередил:

– Юрист, да? Теперь понимаю, почему вас раздражают программисты. Ваш брат совершенно не знает, что с нами делать.

Вместо того чтобы протестовать, темный костюм промолчал. Хирш постарался упрочить свою победу:

– Потому что ваши законы не приспособлены к нашей деятельности. Мы развиваемся слишком быстро. Возьмите Интернет, к примеру. Никто не может юридически регулировать его: сеть эта всемирная, а всемирных законов не существует. И если будет вынесено два судебных решения в Огайо и одно в Нью-Хэмпшире, то объясните мне, каким образом они будут применимы в Карачи...

Темный костюм улыбнулся, точнее, слегка растянул тонкие губы.

– Все понятно. Но уточняю: я не сочиняю законы. Напротив. Моя работа в том и состоит, чтобы их обходить. И я согласен, что информатика открывает блестящие перспективы. Нет никаких правил, это абсолютная юридическая пустота. Природа, как кажется, не терпит пустоты, а вот мы ее обожаем. Вакуум. Именно в нем мы расцветаем и делаем золото.

Я вмешался:

– Вам следовало бы написать книгу "Хвала пустоте", автор... простите?

Он снял свою мисочку с подогревателя, тщательно потер сыр и одним точным движением разрезал на две половинки маленькую луковицу. Потом поднял голову:

– Шарриак. Эммануэль Шарриак. Хвала пустоте... Интересно. Но если это настолько пусто, кто будет читать?

– Какое это имеет значение? – встрял скрытный. – Вообще-то в любой книге содержится лишь одна идея, повторяемая до тошноты. Прочитав резюме, вы, считай, уже прочитали всю книгу. А две сотни остальных страниц посвящены подтверждению идеи. Доказательство теоремы. Им никогда не пользуются, используют только саму теорему.

– Если бы вы закончили высшую математическую школу, то, во-первых, теория вас интересовала бы больше, чем результат, во-вторых, вы не сидели бы сейчас здесь, – ответил Шарриак; выражение его лица напоминало морду лягушки, подстерегающей мушку.

Как я понял позже, это был типичный для Шарриака способ рассуждения. Шевеля мозгами быстрее остальных, он отвечал не на ваш вопрос, а прямо на возражение, которое вы уже приготовили на его ответ. Ему были видимы все импликации каждой фразы, и он прямо переходил к выводу, минуя промежуточный диалог. В таком случае их было только двое: он и бородач из-за стола на четверых. Слушать их спор было утомительно.

– Но я окончил элитную школу, – запротестовал скрытный. – Конечно, не Политехническую, не Центральную, но довольно известную.

– Ах, мне тоже очень нравится провинция, – сказал Шарриак и умолк.

Нормальный диалог должен был выглядеть так:

" – Школу в Париже?

– Нет, в провинции.

– Конечно, элитные школы находятся в Париже, а просто известные школы – в провинции. Вы любите провинцию?

– Да, разумеется.

– Ах, мне тоже очень нравится провинция".

Шарриак перепрыгнул через четыре фразы на пятую. Послезавтра, чтобы успокоить нас по поводу такой тревожащей быстроты, он будет утверждать, что страшно боится потерянного времени и слов, потраченных зря в пустых разговорах с заранее известным концом.

На десерт нам подали по кусочку шоколадного торта. Южанин шумно удивился отсутствию сыра, что вновь вызвало взрыв хохота. Все веселились за его столом, за исключением дамы, говорящей по-итальянски. Они даже заказали третью бутылку белого вина.

Затем принесли кофе, и появилась Натали. С нами она не ужинала. Никто этому не удивлялся: Натали была штатным сотрудником, а мы находились в гостинице, а не в летнем лагере. Не было никого и из руководителей "Де Вавр интернэшнл".

– Уже восемь двадцать пять, – объявила Натали. – В восемь тридцать – собрание.

– Сверьте ваши часы, – добавил южанин.

Я почувствовал под ложечкой легкое покалывание, которое всегда появлялось перед опасностью или предшествовало важным событиям.

* * *

Рабочая комната... Подвижная, неплотно прикрытая перегородка делила зал на две части. В одной – два десятка парт, как в лицах; напротив – два спартанских кресла из тех эргономических сидений, на которых невозможно сидеть человеку нестандартных размеров. В углу – классная доска и столик с банкой, полной ластиков. Обстановка, мягко говоря, экономичная, если не сказать, жалкая. Впечатление такое, будто находишься в классе для трудновоспитуемых.

Но другая половина, различимая сквозь незакрытый стык перегородки, казалось, больше отвечала нашим ожиданиям: ряды компьютеров, отделенных друг от друга зелеными растениями и пластиковыми перегородками; большой экран видео в глубине – короче, все принадлежности современной коммуникационной системы. Предназначалось все это, возможно, для второго этапа.

В кабинете уже сидели двое незнакомых мужчин. Один был высокий, почти полностью лысый, но зато с такой густой бородой, словно весь его волосяной покров сполз с головы на подбородок. Другой выглядел более внушительно. На вид ему было лет пятьдесят. У него было испещренное глубокими складками загорелое лицо морского волка. Зеленые глаза и очень белые зубы делали его похожим на киноактера. Мускулистый, с мощными плечами и плоским животом, он относился к типу людей, одно присутствие которых сразу меняет всю атмосферу. Натали, сидевшая в уголке, совсем поблекла на его фоне.

Поздравив нас с прибытием, мужчина представился. Звали его Жозеф дель Рьeko, он был руководителем проекта в "Де Вавр интернэшнл".

– Именно я, – пояснил он глубоким голосом адвоката, – и буду обследовать вас. Но не волнуйтесь, в общем, все проходит хорошо. Последняя попытка самоубийства имела место больше полугода назад.

Его шутка вызвала на наших лицах лишь натянутые улыбки.

– Завтрашний день мы посвятим тестам, – продолжал он. – Затем перейдем к тренировкам. Примерно как у пилотов: прежде чем допустить их к управлению реактивным лайнером, который стоит полмиллиарда и вмещает сотни человек, они проходят испытания на тренажере на земле, осваивая критические ситуации. После этого им говорят: ты будешь работать на трансатлантической линии, а тебе доверяют истребитель, ну а тебе – только легкий самолёт.

тик. Так будет и у нас. Мы смоделируем кризисную ситуацию и посмотрим на вашу реакцию. Потом мы вам скажем: ты можешь управлять "Майкрософтом", а ты – самое большее – грузовичком для развозки пиццы. Ответственность здесь не меньшая, чем в авиации. Если у руля предприятия окажется тот, кто не умеет держать удар, то он может принести миллиардные убытки и привести к гибели тысячи рабочих, служащих и акционеров. Мы также посмотрим на ваш стиль управления и на ваше поведение в команде. В Японии когда нанимают работника на руководящую должность, то отправляют его высоко в горы, чтобы он понял: в связке самое слабое звено определяет все. Если один срывается в ущелье, вместе с ним падают все. Группа не может продвигаться быстрее самого медлительного из ее членов. Вот пока и все. Большого я сказать не могу, остальное будет сюрпризом. Вопросы есть?

Окончив краткую речь, дель Рьeko бегло взглянул на каждого из нас. Не как докладчик, научившийся обводить глазами слушателей, не пропуская никого, а так, словно он уже пытался увидеть нас насквозь. Странно, но выражение его лица было одновременно сердечным и решительным, почти агрессивным. Да, этот субъект должен быть безжалостным. Несколько смягчив тон, дель Рьeko продолжил:

– Все это будет напоминать игру. Но как вы понимаете, это не простая игра. Есть игры очень серьезные. Это как раз наш случай. Вы знаете, что мы можем для вас сделать, если вы выиграете. Но если вы проиграете, не бойтесь, с вами ничего не случится. Вы проведете неделю в приятной обстановке с очень симпатичными людьми, вот и все.

Последнюю фразу он произнес с иронической улыбкой, затем небрежным жестом указал на бородатого, который, казалось, дремал за его спиной.

– Жан-Клод, мой ассистент. Он умеет обращаться с тем, в чем я не разбираюсь: компьютерами, видео, микрофонами, – всеми этими штуковинами, которые вечно ломаются. И если что-то там не ладится, то это только по его вине. Это очень удобно: мне, таким образом, не в чем себя упрекнуть. Нет, серьезно, он здорово во всем разбирается. Если у вас возникнут проблемы с техникой, обращайтесь к нему. Только с техникой. Остальное его не касается. Ну, с Натали вы уже знакомы. И не ждите от нее помощи, она не санитарка. Бесполезно ей рассказывать и о своей жизни, ее это не интересует. Начинать занятия будем в девять утра, а заканчивать... э-э-э, когда закончим, тогда и закончим. Если вам потребуется что-нибудь личное: лекарство или носки на смену, – предупредите за сутки. Мы привезем. За ваш счет. Еще есть вопросы?

Натали откашлялась и начала говорить. После баритона дель Рьeko ее голосок неожиданно показался очень тонким.

– Завтрак с семи часов утра до половины девятого в ресторане. В номера мы не подаем. Обед – между половиной первого и часом, ужин – между половиной восьмого и восьмью. Может случиться, что вы не захотите спускаться к столу. В этом случае закажите у меня сэндвичи за час. Со всеми просьбами личного характера обращайтесь ко мне. Остальной персонал не сможет вам помочь. В подвальном помещении есть тренажерный зал, а в салоне – телевизор. Не думаю, что у вас будет время для купания, но если вам захочется искупаться, будьте осторожны: вода в озере очень холодная. Только господин дель Рьeko смог на это отважиться.

Дель Рьeko обнажил в улыбке безупречные зубы.

– Да, правда, в тот раз я заработал пневмонию, – пошутил он.

Дама в джемпере застенчиво подняла пальчик:

– А если кто-нибудь заболеет, что тогда?

Дель Рьeko вновь стал серьезным:

– Вообще-то такого не должно случиться, вы прошли медицинское обследование. А с насморком или вывихом мы справимся сами. Натали была медсестрой. Вот если сердечный приступ, это уже неприятно. Вертолету "скорой помощи" потребуется часа два, чтобы добраться сюда. А если кто-то уж очень будет мучиться, мы решимся прикончить его. Но такого

еще не было. Зато бывает, что люди не выдерживают или просто отказываются. Тогда мы их спокойно вывозим, и в тот же вечер они уже оказываются дома. Но такое случается нечасто.

Поднял руку мужчина с большим кадыком:

– Есть ли у вас статистические данные по результатам? Чтобы иметь представление о...

Глаза дель Рьeko сузились. Не поворачиваясь, он сделал знак своему ассистенту.

– Статистика у Жан-Клода, но, знаете, она ничего не дает. Все группы разные. Иногда мы никого не оставляем, а иногда – почти всех. Нам не предписывают обязательное количество набранных. Насколько помнится, примерно одну треть мы пристраиваем буквально через несколько дней, другая треть остается в нашей картотеке на тот случай, когда в экономике возрастет спрос на кадры, последняя треть – исключается. Но у каждой сессии своя динамика, более или менее жесткая.

– Все правильно, – подтвердил Жан-Клод, сверяясь по листкам распечатки.

– Ну что ж, – сказал дель Рьeko, – а теперь попрошу вас всех представиться. Разумеется, невозможно сразу запомнить пятнадцать, нет, шестнадцать фамилий, и церемония эта бесполезна. Но в голове у каждого останутся две или три, которые впоследствии всплывут и пригодятся. Спокойствие! Это не тест.

Толстячок вынул из кармана органайзер. Дель Рьeko нахмурился:

– Нет-нет. Никаких записей. Я же сказал, что это не тест.

Тот не смутился.

– Если это не тест, то нет и протокола, и можно делать что угодно. Вы только несколько усложняете мою задачу: я всех запомню, а выйдя отсюда, внесу в свою электронную записную книжку.

Глаза дель Рьeko потемнели. Мы все поняли: толстячок умышленно его провоцировал. Пока он не начал тестировать нас, бунтовщик решил проверить его. Такое обычно происходит в первый день занятий в колледже; интересно, как он выкрутится?

– Очень хорошо, – сказал дель Рьeko. – Мне полагается анализировать все происходящее, значит, я проанализирую. Итак, я даю указание, а этот господин не собирается его исполнять. Почему? Потому что ему хочется посмотреть, уступлю ли я и кто здесь хозяин. Так вот: вы делаете что хотите, но в рамках, которые определяю я. Вам не по нраву рамки – скатертью дорога. Я не собираюсь ни оправдываться, ни объяснять, почему поступаю так, а не иначе. У нас здесь не свободная дискуссия. Я предупредил, что это не тест. Но вы захотели помериться силами, вы этого добились. Вы убираете свою игрушку. Если вы хотите слушать все, что говорится, а потом записывать, это – ваше дело. Но если я говорю: никаких записей – значит, никаких записей. Вам все понятно?

Толстячок бросил на него ненавидящий взгляд и спрятал в карман органайзер. Не выиграв очка, он одно потерял. И немудрено. Он к тому же пробормотал извинения, усугубляя этим свой промах.

– Мне жаль, я не хотел никаких историй, просто мне это казалось более удобным...

Дель Рьeko принял его капитуляцию и успокоился:

– Это, конечно, удобнее, вы правы. Но я думаю иначе. Вы здесь все на равных, и никто не должен переступать стартовую линию, пока стартер не выстрелит из пистолета. Ладно, забудем об этом, идем дальше.

Как и предсказывал дель Рьeko, половину фамилий я не запомнил. Каждую я старался систематически привязывать к физической особенности: Хирш и кадык, Моран и марсельский акцент, Шарриак и очки без оправы. Маленький подозрительный человек звался Пинетти, а красивую женщину, говорящую по-итальянски, звали Лоранс Карре. Фамилия краснолицего здоровяка начиналась на "Ша...", как Шарриак: Шамон... Шаве... Ша... – уж и не помню, – а в фамилии бородача проскальзывало что-то арабское. Толстячка, затеявшего перепалку, звали Эме Леруа, а дама в джемпере назвалась так тихо, что никто не разобрал ее имени.

У всех имелась специальность. Хирш повторил, что был специалистом по информатике, Шарриак – юристом, Моран – руководителем коммерческой организации, Пинетти – финансовым советником, Лоранс Карре сначала занималась кадрами, а потом была директором службы связи. Что касается Эме Леруа, все еще не остывшего после перепалки, то он представился ответственным работником, без уточнений. Среди нас была заведующая канцелярией, был инженер (Какой? Тайна.), директор в системе образования и другие зоологические виды. Здесь явно не наблюдалось двух людей одной специальности, была представлена целая палитра должностей. Должно быть, в "Де Вавр интернэшнл" это просчитали специально во избежание прямой конкуренции.

Только двое из нас не стали уточнять свой возраст. Разумеется, самые старшие. Им было около пятидесяти, а то и больше, что являлось отрицательным моментом в современной экономической ситуации (исключение делается только для хозяина предприятия: он может быть и восьмидесятилетним, не ощущая неудобств, даже если сотрудники вдвое его моложе, а секретарши – раза в четыре).

Некоторые упомянули свое местожительство – большинство из Парижа, – другие воздержались. На этом уровне необходима мобильность, и даже намек на оседлость может в дальнейшем помешать участию в глобализации. Моран произнес небольшую речь, которую, наверное, повторял много раз:

– Я живу в Марселе. Если бы я сказал: в Ренне или Страсбурге, – мне бы все равно не поверили. Моя речь не как у телеведущих, но я пользуюсь теми же словами или почти теми же, что и вы, и докажу, что я не хуже вас.

Пятеро или шестеро заявили, что они женаты и имеют детей, – считается, что это вызывает доверие нанимателей. Другие промолчали, хотя и имели на пальце обручальное кольцо. Длинный худой парень, жгучий брюнет, с гордостью сообщил, что был отобран кандидатом на Олимпийские игры, но никто не поинтересовался, в каком виде спорта.

Этот "круглый стол" заставил меня задуматься. Обычно в таких упражнениях первый говорящий задает тон. Следующие стараются касаться тех же тем, добавляя что-либо оригинально личное. Здесь же каждый следил за каждым. Далекие от желания блеснуть, все старались рассказать о себе как можно меньше. Никто не задавал вопросов, да и дель Рьекто помалкивал. Правда, у него были все наши досье, и он знал о нас больше, чем можно представить. О себе он больше не говорил и закрыл собрание без дальнейших комментариев.

Еще не было десяти часов вечера, и никто не хотел спать. Моран нашел трех партнеров для карточной игры, Хирш, облокотившись на стойку бара, разговаривал об информатике с обладателем арабской фамилии, Пинетти включил телевизор. А я вышел на крыльцо подышать свежим воздухом.

Лоранс Карре, сидя на веранде, курила сигарету и задумчиво смотрела на озеро. Над водой, клубясь, поднимался туман. Я подошел к ней.

– Вы похожи на Ламартина, сочиняющего свое "Озеро".

Она не повернула головы, но ответила:

– Это не то озеро. И Ламартин, несмотря на свою фамилию, был мужчиной.

Я присел рядом, прямо на землю.

– Ламартин. Никогда не приходило в голову. Вы думаете, он был геем?

Лоранс Карре оставила без ответа это довольно глупое замечание. Она смотрела на небо, ярко освещенное звездами.

– Это из-за загрязнения, – сказал я.

Наконец она на меня взглянула. В сумерках я различал только гладкую щеку и изгиб ее плеча.

– Какое загрязнение?

Голос ее был так же свеж, как воздух. Судя по всему, я отвлек Лоранс от раздумий.

– Звезды. Их видно намного больше оттого, что воздух здесь не загрязнен.

Она устало отвернулась.

– Нет. Не верно. Это из-за света. В Париже и в других больших городах слишком светло. Несколько лет назад появилась комета. В городе ее не было видно. Нужно было уехать за город, туда, где по-настоящему темно. Если вы освещаете свет, он исчезает.

Я машинально поднял плоский камень и, отойдя на шаг, бросил его в озеро. С легким всплеском он подпрыгнул несколько раз и погрузился в воду. Я вернулся к Лоранс.

– И у нас будет то же самое, да? Мы будем освещать друг друга, пока некоторые не исчезнут.

Так как она продолжала хранить молчание, я вернулся в гостиницу. Может, Лоранс подумала, что я собирался приударить за ней. Зря. Голова у меня была занята совершенно другим.

Я поднялся в свою комнату, прочитал несколько страниц детективного романа и потушил свет. Под пуховиком было тепло и уютно, и я лениво вытянулся. Я вновь почувствовал опасение, смешанное с возбуждением, которое называют страхом. Но возбуждение перевешивало, и мне не сразу удалось заснуть.

* * *

Утром я спустился на первый этаж, когда еще не было восьми часов утра. И все же я оказался в числе последних. Столовая напоминала салон парикмахерской: волосы у всех были еще влажными после утреннего душа, от чисто выбритых мужчин исходил бодрящий аромат дезодорантов и лосьонов. Эти запахи смешивались с ароматом горячих круассанов и кофе, создавая приятную атмосферу утренней бодрости, гигиены, здоровья и энергии. Лоранс Карре прибегла к боевому арсеналу: губы стали чуть краснее, а ресницы – чуть чернее.

Входившие рассаживались на свободные места. Я оказался между двумя мужчинами, имена которых не запомнил. Им казалось, что они уже где-то встречались. Оба работали в одной нефтяной компании, но не в одном офисе, и старались вспомнить, где и когда могли видаться. Вид у них был радостно-удивленный от такого совпадения. Тем не менее ничего удивительного: все социальные круги довольно тесно соприкасаются, и, собрав наугад шестнадцать человек, можно не сомневаться, что найдутся по меньшей мере двое людей, так или иначе связанных друг с другом. В конечном счете, сопоставив даты, мужчины пришли к заключению, что полгода работали у одного и того же нанимателя.

После завтрака осталось немного свободного времени. Еще не было девяти часов утра. Курильщики вышли на крыльцо, чтобы предаться своему пороку, другие сустились, пытаясь заглянуть в местную газету или дозвониться семьям. Шарриак открыл свой ноутбук и просматривал послания в Интернете. Проходя мимо, я бросил:

– Не знаю, разрешается ли это...

Он чуть приподнял голову.

– Все, что не запрещено законом, разрешено. Так записано в Конституции.

Последнее слово должно было остаться за мной.

– Но вчера вам было сказано, что здесь не демократия.

Шарриак заупрямился:

– Тогда считайте меня партизаном.

Я отошел.

Утро прошло в усердных занятиях. Тесты и еще раз тесты, множество листков для заполнения. За партами сидели по одному. Вопросы были самые разные. Время от времени мы натывались на завуалированные ловушки. Но большая часть вопросов касалась поведения в различных ситуациях. Что делать в том или ином случае? Следует ли уволить отличного, но нечестного бухгалтера или просто отчитать его? (Уволить: безнаказанный, он снова начнет

мошенничать.) Следует ли подать жалобу в случае проявления непорядочности, даже если репутация фирмы пострадает от этого? (Да: рано или поздно все станет известно, и вас будут упрекать в инертности.) Стоит ли решать третейским судом непримиримые разногласия между бригадиром-расистом и работником-африканцем? (Уволить обоих; в случае конфликта не признавать ничью правоту: это предприятие, а не суд.) К концу третьей страницы я уже "уволит" человек десять. Ирония это или садизм: нас спрашивали, были ли основания для нашего собственного увольнения. Однако мы уже находились по ту сторону барьера, а со сменой позиции меняется и точка зрения.

Другие предлагаемые нам дилеммы были такого же сорта. Некоторые затрагивали частную жизнь и нравственность вообще, но большинство касалось проблем, с которыми на деле сталкивались предприятия. Мы могли отвечать "да" или "нет" либо обосновывать свой выбор. Очень трудных вопросов не было. Только надо было смотреть дальше кончика своего носа и просчитывать отдаленные последствия, а не думать лишь о немедленном урегулировании конфликта. Очень ловко они избегали вопросов о профсоюзах или политических партиях: кто-то обиженный мог бы передать эти документы прессе. Зато несколько невинных с виду вопросов относилось к национальной экономической политике. Твердая валюта или валюта неустойчивая, например. (Неустойчивая; только банки заинтересованы в твердой валюте, а я не собирався работать в банковской сфере.) Или еще: тридцатипятичасовая неделя: мы обязаны быть против, если только не искали постоянную работу в профсоюзе или министерстве. Впрочем, этот пункт не касался кадров вроде нас.

Конкуренты вокруг меня не очень-то напрягались. Никто не погружался в размышления, не смотрел задумчиво в окно, как это обычно происходит на экзаменах. Им хотелось показать, что все это для них очень легко и ответить можно быстро. Однако испытания не были ограничены во времени, и даже дель Рьекко вышел из кабинета, оставив нас под безобидным прищелчком своего ассистента: никому не выгодно списывать у соседа.

Был у нас тест и на восприятие цвета, смысла которого я не понял. И наконец, на последней, чистой странице нам предлагалось свободно дать свою оценку. Я просто написал, что затруднительно давать общие ответы на конкретные вопросы.

В полдень упомянутый Жан-Клод собрал наши работы. В баре, где никто не позволил себе спиртного, Моран вступил в полемику с толстячком Эме Леруа. Темой был расизм. На его предприятии, утверждал он, восемьдесят процентов рабочих – выходцы из северной Африки. Если бы бригадир оказался расистом, то следовало либо прогнать его, либо нарваться на всеобщую забастовку. Леруа придирался к мелочам. По его мнению, каждый третий француз считал себя расистом, и убеждение здесь помогло бы лучше борьбы. Моран возразил, что убедить расиста все равно что сделать умным глупого. Никто не рискнул вмешаться в их спор.

Как и после экзамена, каждый собрался узнать, что об этом думают другие. Краснолицый здоровяк по фамилии Шаламон заявил, что было несколько никудышных вопросов и ни одного стоящего, так как речь всегда шла о ситуациях, которые слишком поздно исправлять.

– И все же я нашла очень личным вопрос о разводе, – сказала дама в свитере.

Мы сразу заключили, что она в разводе.

– А цвета! – воскликнул Хирш. – Они хотели знать, дальтоники мы или нет?

– Нет, тут кроется нечто более существенное, – возразил Пинетти. – Существуют даже врачи, которые лечат цветом. У вас ангина, они вас заставляют смотреть на синий цвет – и вы выздоравливаете.

– И помогает? – спросил Хирш.

Пинетти рассмеялся:

– Ну конечно же, нет.

– Вот разве если кто-то очень в это верит... – вмешался бородатый. – Если считать, что по меньшей мере треть болезней психосоматические, то при условии, что вы верите, вас излечит что угодно – отвар, Лурд, и почему бы не цвет?

– Да, но все это – шарлатанство! – возмутился Хирш.

– А астрология? – возразил Пинетти. – Несколько лет назад она отрицалась, а теперь вам говорят, что Юпитер для вас неудачно расположен.

Хирш повернулся к Лоранс Карре:

– Это правда? Мне не верится! Вы пользовались этим, отвечая за подбор кадров?

Она коротко ответила "нет", даже не удостоив его взгляда. Натали положила конец дискуссии, объявив, что обед подан.

* * *

Вторая половина дня оказалась намного интереснее. На этот раз дель Рьeko занимался нами лично.

– Сейчас, – начал он, – мы немного поиграем для разминки. Игра первая. Представьте, что вы – пресс-секретарь строительной компании и вам только что сообщили о несчастном случае на стройке. Обвалился целый этаж, и есть жертвы, вы не знаете, сколько их. Даю вам десять минут на составление официального сообщения, а затем вы его нам зачитаете. Но, разумеется, так как на любого может повлиять предыдущий кандидат, вы все одновременно передадите мне ваши сообщения и учтите, что не имеете права отклоняться от написанного текста. Десять минут. Заметьте, примерно столько времени отделяет сообщение о несчастном случае от первого звонка журналиста. Ах да, я, естественно, в одном лице буду представлять всю прессу, и только я могу задавать вопросы. Но не вы. О'кей?

Эме Леруа поднял руку:

– Э-э-э... я этого не умею, это не моя работа. Те, кто уже работал в этом жанре, будут иметь преимущество. Если бы я был главой фирмы, у меня был бы человек для таких дел.

– Да, но тип, которому вы за это платите, как раз в отпуске, а здание не предупредило его перед тем, как рухнуть. Вы один, и журналисты донимают вас звонками. Чаще всего так и происходит. Вы имеете право сказать им, что сделать сообщение некому, это на ваше усмотрение. Одним словом, выходите из положения. Успокойтесь, будут игры ближе к вашему профилю, никого не обделю.

Леруа пробормотал что-то неразборчивое и сел с обиженным видом.

– Всего десять минут, – бросил дель Рьeko.

По истечении срока он собрал наши сообщения, положил их на стол и попросил даму в свитере зачитать свое. Оно было ужасно. Большинство других не лучше. Все еще недовольный Эме Леруа сухо заявил, что нужно ждать результатов экспертизы, а пока он ничего сказать не может. Хирш что-то мямлил, подбадривая себя улыбкой, которая придавала ему дурацкий вид. Моран напирал на чистосердечие, но, переборщив, вышел за рамки текста. Дель Рьeko холодно одернул его.

Лоранс Карре оказалась на высоте. Правда, она читала сразу после Пинетти, который говорил, пряча глаза, но его хитроватый вид убеждал в том, что погибших сотни и фирме есть что скрывать. Лоранс же, наоборот, описала четко ситуацию, ограничившись неоспоримыми фактами. Дель Рьeko впервые вмешался. Остальным он позволил барахтаться самим, а ей решил подыграть.

– Сколько погибших?

– Мы этого еще не знаем, – ответила Лоранс.

– Вы еще не знаете или не хотите сказать?

Играя роль, она повернулась к дель Рьeko:

– Послушайте, вы – журналист, профессионал, и я тоже. Вам известно, что бывает, когда случается подобная трагедия. Иногда проходит несколько дней до полного выяснения фактов. Я вам даю информацию, которой располагаю, и не могу вам дать то, чего у меня нет.

– Но все-таки два или двадцать? – настаивал дель Рьeko.

– Два или двадцать – в любом случае это много. Позвольте мне подумать о тех, кто сейчас находится под развалинами и кого мы пытаемся спасти. Именно о них я думаю. Надеюсь, мы вытащим большинство живыми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.